

Трудно припомнить случай, чтобы хотелось и одновременно так трудно было написать о фильме.

Таким стал на этом фестивале «Леоло» — франко-канадская картина не известного мне режиссера Лозона.

Мы потом говорили с одним критиком — что стоит за этой картиной? Долгий ли жизненный опыт, талант? Или это яркая вспышка, свойственная дебиоту?

Не все понятно в этом фильме и еще труднее объяснить происходящее читателю, который его не видел.

Во-первых, родился герой, мальчик Леоло... из помидора. Выкатился из мамы на солнечной плантации в Италии, и оттуда его привезли в Канаду. Но он по-прежнему тоскует по Италии, она ему снится, и он вообще считает, что Италия слишком хороша для итальянца.

Далее...

Далее вот так же невозможно передать содержание фильма. Ну что расскажешь о том, как многочисленная, в духе Феллини, семья во главе с пышной матроной регулярно сидит на горшках, потому что очищение желудка — основа человеческого здоровья? «Де-

лай, как мама!» — командует матрона малышу, сидящему напротив нее и предающемуся тому же великому делу очищения желудка.

Далее...

Рядом с маленьким Леоло постоянно храпит гигант, состоящий из одних сплошных бицепсов, — его родной брат Фернан: однажды его насмерть избил некий мозгляк, дал ему промез глаз. И с тех пор Фернан бросил все и стал накачивать бицепсы. Он превратился в чудовище, в лентя и бездельника, в домашнего Рэмбо, но самое смешное — встретившись однажды с тем же самым мозгляком, упал, как подкошенный, подтвердив ту простую истину, что сила есть — ума не надо.

Далее...

Леоло ненавидит своего деда, который подвергает обожаемому им девушку Бьянку ежедневной сексуальной пытке в ванной комнате. Он даже попытался было его задушить. Господи, ну как же рассказать об этом самом Леоло и о всех ужасах, которые с ним происходят, — если учесть

при этом, что это бесконечно чистый и светлый фильм?

«Делай, как мама!» — этот физиологический призыв вырастает в метафору. И жизнь такая страшная, что приходится вертеться.

Признаюсь, что на итальянскую картину «Гангстеры» я пошла с явной неохотой — ну что может быть нового в гангстерах?

Но оказалось, что здесь не гангстеры, а как бы бывшие коммунисты. Или, вернее, антифашисты — действие происходит сразу после освобождения Италии американцами.

Генуя. (Как тут не вспомнить любимый фильм нашей молодости — «У стен Малапаги» — это ведь порт Генуи, с Жаном Габеном и Изой Мирандой — давно их уже нет с нами. Там тоже действие происходит после войны).

Вот и здесь. Чем-то эта Генуя, разрушенная и облезлая, запруженная американцами и проститутками, изнемогающая от черного рынка, живо напоминает нам Москву девятидесятых годов. И не только грязью и разрухой, но и вот этим:

сменой масок. Победители становятся побежденными, а герои антифашистского подполья прозябают в жалких пансионах. Бывшие коммунисты выходят из партии и торгуют на черном рынке. Кстати, весь фильм идет на фоне серпа и молота и бюстов Ленина.

Но какой же горький привкус у этой победы, которую украли у победителей! Герой фильма, антифашист Джулио, разыскивает и сам приговаривает к смертной казни бывшего фашистского бонзу Андерсона, кстати, процветающего. Но на операцию Джулио вынужден взять с собой своих бывших сподвижников (в том числе некоего Умберто, бывшего партийца, а ныне биржевика). Кончается все трагически — предательством, смертями. И главное — горьким разочарованием: за что же все-таки боролись они там, в подполье? Когда все были вместе?

Совершенно случайно я попала и на югославскую картину режиссера [Олега Новаковица «Почему ты ушел?».] И не пожалела. Не потому, что это фильм каких-то особых худо-

жественных достоинств, но потому, что это фильм-предупреждение. Предупреждение всем нам, еще пока живущим, от тех, кого уже нет.

Невозможно поверить, что эта картина сделана в воюющей стране — ее действие датировано 1991 годом: во всяком случае кресты на огромном кладбище все обозначают именно эту дату.

А встречают герои новый, 1992 год. Встречают двое — тот, кто вернулся с войны и случайно уцелел, и встреченная им на дорогах войны девушка.

В сущности, ничего нет ужасного в этой картине — ни трупов, ни отрубленных голов, ни колючей проволоки. Но какая-то ужасная тоска. И безлюдье. Безлюдны улицы, безлюдны забегаловки, бары, безлюдна сама жизнь. И вот этой огромной человеческой тоской, ожиданием беды, коей исполнен фильм, он похож на наше сегодняшнее бытие. Похож так же, как и итальянский фильм, о котором речь шла выше, — хотя время их действия очень разное. Но одинаковы баррикады, которые вдруг встают

между людьми, родными и близкими, еще вчера товарищами по убеждениям, а сегодня — уже противниками. Врагами. Когда, в какой момент, какими злыми силами взрывается эта мирная жизнь, когда опадают цветущие яблони и одинокие невесты бредут по дорогам?

Кончился югославский фильм, перед залом, где было не так уж много народа, вышел режиссер, который на русском языке сказал слова благодарности зрителям. И в ответ ему, из зала, кто-то громко крикнул: «Спасибо!». Для меня это был, быть может, один из самых острых моментов фестиваля.

...«Тени одного сражения» — так назвал свою конкурсную картину испанский режиссер Марио Камус. Подумалось — мы все, в сущности, тени одного сражения. Даже дети. Недаром на этом фестивале было так неожиданно много фильмов о детях. Их огромные, трагические глаза, глаза, распахнутые в небобрый мир, сопровождали нас на протяжении всего кинопрезидника.

«Делай, как мама!» — этот призыв, рожденный в абсурдной атмосфере большого дома «Леоло», вырастает в своеобразный символ.

Делай, как мама.

Валентина ИВАНОВА.

БМ

Лозон